В.М.Ветров

Иркутский государственный педагогический университет, г.Иркутск, Россия
E-mail: a116@pochta.ru

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В УСТЬЕ Р. КАРЕНГА (ДОЛИНА Р. ВИТИМ) И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*

Введение

В 1979 г. при обследовании долины Витима на правом приустьевом мысу р. Каренга (Усть-Каренга XVI) шурфом были выявлены две ямы, впоследствии объединенные в один ритуальный комплекс (Ветров, Смотрова, 1980). Шурф заложен на песчаной релке с отметкой 25 м над уровнем реки, возвышающейся над окружающей местностью. Заплечики обеих ям прослеживались из подпочвенного компрессионного слоя с фрагментами погребенной почвы атлантического периода (8,0 - 4,6 тыс. л.н.). Засыпка ям четко выделялась как в плане, так и в разрезе на фоне светло-серого песка более темным цветом за счет сажистых примазок, вкраплений и целых прослоев древесного угля. Донья ям фиксировались по наличию красной охры.

Материал

Яма № 1. Глубина 0,96 м от дневной поверхности. Дно овальной формы 1,25 х 0,75 м, продольной осью ориентировано по линии север-юг (рис. 1-1, 2). Вся площадь равномерно покрыта прокрашенным охрой песком мощностью до 3 см и порошком из мелкозернистого розовато-белого кварцита, который местами прослеживался сплошной тонкой (менее 1 см) прослойкой, подстилающей охристые отложения.

В яме обнаружено 76 предметов: 16 в засыпке и 60 на дне. В верхней части засыпки найдены 2 гальки, с которых было сбито по одному отщепу (рис. 2-1); непосредственно над охристой прослойкой находились 14 призматических пластин и их сегментов, как необработанных, так и ретушированных по краю (рис. 2-2-8). Из них обращает на себя внимание группа из 6-ти пластин с обломанными концами (одна сломана), следующих одна за другой, лежащих дорсалом вверх. Нет сомнения, что в первоначальном виде они составляли лезвие одностороннего вкладышевого орудия. Концевые вкладыши обработаны со стороны вентрала по обоим маргиналам, 4 внутренних - по одному. Кроме того, все 6 пластин имеют следы подработки одного из концов со стороны дорсала. Длина лезвия, вытянутого в прямую линию, составляет 18,5 см (рис. 2-9 а, 9 б). Обойма изделия не сохранилась.

Инвентарь, связанный с охристой прослойкой, условно можно разделить на 3 локальных группы: северную, центральную, южную. В северной части дна ямы найдено 44 предмета: концевой скребок с бифасиально оформленным лезвием и подработанными маргиналами со стороны дорсала пластинчатого скола (рис. 2-10); 2 конусовидных одноплощадочных нуклеуса с негативами снятия пластин по периметру площадки (рис. 2-11, 12 а). Апплицируемая пластина к одному из них, путем незначительной подтески дистального конца, оформлена в острие (рис. 2-12 б); призматические пластины и их сегменты в количестве 21 экземпляра, 5 из которых ретушированы по одному из маргиналов (рис. 2-13 - 31); единичным экземпляром представлен кусок графитита, имеющий явные следы утилизации по большей части поверхности (рис. 2-32). Перечень северного скопления завершают 3 кусочка породы вулканического происхождения, 9 кусочков обожженной глины и 6 обломков гальки мелкозернистого розовато-белого кварцита, аналогичного порошку из подсыпки дна ямы.

К средней группе отнесены ретушированная по краю призматическая пластина (рис. 3-1), пластинчатый отщеп (рис. 3-2) и кусок пемзы подтреугольной формы без видимых следов употребления в работе.

В южной части ямы собрано 13 каменных ар-

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №06-01-0466А

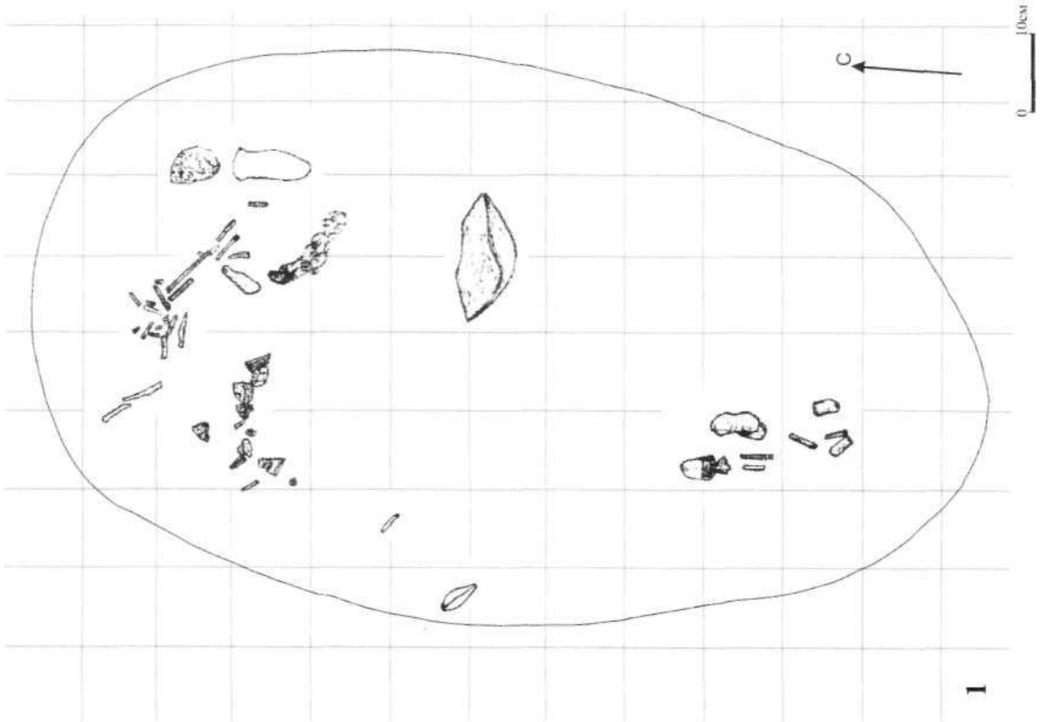

Рис. 1. Дно ямы № 1. 1 – план находок; 2 – Дно ямы № 1 вид с юга

тефактов: концевой скребок (рис. 3-3), 3 отщепа (рис. 3-4,5, 9), 7 призматических пластин и их сегментов (рис. 3-6-8), крупный пластинчатый скол (рис. 3-10), одноплощадочный призматический нуклеус в начальной стадии утилизации (рис. 3-11). В ряде случаев зафиксированы остатки разложившегося плотного костного вещества.

Яма *№ 2.* Дислоцировалась в 2-х м к западу от ямы №1. Глубина 0,98 м от дневной поверхности. Форма дна неправильного овала 0,70 х 0,47 м. Дно продольной осью ориентировано по линии запад-восток (рис. 4-1, 2). В засыпке ямы на глубине 0,5 м найдены призматическая пластина и халцедоновая галька. Остальной материал связан с охристой прослойкой по дну и составляет около 1200 предметов (около 1000 экземпляров приходится на чешуйчатые сколы от 0,5 до 3,0 - 4,0 мм).

Подавляющее число артефактов (202 плюс все чешуйчатые сколы) было сконцентрировано в западной части дна ямы и представляло компактную группу 28х14 см. Ближе к середине найдено лишь 9 предметов: 6 призматических пластин, 2 гальки с негативами сколов и кусок ожелезненной конкреции. Весь набор артефактов можно разделить на несколько категорий:

1. Ретушер - отбойник из плоской гальки; забитость прослеживается по краю его более широкой части (рис. 5-1).

2. Уже упомянутые гальки (заготовки нуклеусов) с негативами пробных сколов (рис. 5-2, 11).

3. Призматические пластины и их сегменты в количестве 124 экземпляров (рис. 5-3-8), 4 из которых ретушированы по 1-2 - м маргиналам с вентрала.

4. Комбинированное орудие - проверткаскребок, оформленное на базе торцового нуклеуса (рис. 5-9).

5. Обломок орудия из пластинчатого скола (рис. 5-10).

6. Нуклеусы в количестве 40 экземпляров, предназначенные для снятия призматических пластин. Морфологически делятся на: 1) нуклеусы с выпуклым фронтом; контрфронт и отчасти латерали сохраняют следы расслоения, галечную корку или негативы оформляющих заготовку сколов (рис. 6-1-8; рис. 7-1-8; рис. 8-1-10); 2) нуклеусы цилиндрической формы двуплощадочные (рис. 8-11, 12) и одноплощадочные (рис. 8-13-15; рис. 9-1, 2) с негативами снятий по периметру площадки; 3) нуклеусы торцовые одноплощадочные бифронтальные (рис. 9-3-5) и монофронтальные (рис. 9-6-8).

Кроме перечисленных предметов в коллекцию ямы № 2 вошли 40 отщепов, ожелезненная конкреция и кусок мелкозернистого кварцита.

Заложенный на месте комплекса раскоп площадью 43 кв.м. с целью выявления других ям или стояночного материала результатов не дал.

Обсуждение

Анализируя полученные по ямам данные можно прийти к определенным выводам и предположениям.

1. Ямы заложены в одно время, на что указывает их близкое расположение, одна глубина, наличие охры по дну, морфологически и петрографически близкий инвентарь.

2. Ямы ритуальные, независимо от того, являлись они кенотафами или действительными погребениями. Последнее не исключено при наличии полного (или почти полного) разложения костного материала в песчаных отложениях витимских террас на данном участке долины. Кость, в частности человеческие костяки очень плохой сохранности, фиксируется преимущественно, в комплексах, близких к рубежу новой эры (Ветров, Инешин, 2002).

Косвенным подтверждением предполагаемого назначения ям является расположение их на возвышенном месте относительно окружающего пространства. Подобная ситуация характерна для многих могильников и отдельных захоронений, в частности, ранненеолитических. «Неолитический человек учитывал микрорельеф местности при заложении могильных ям - все они располагаются на буграх ... Похоже, человек учитывал и то обстоятельство, что на буграх грунты менее увлажнены, имеют более легкий гранулометрический состав и оттаивают намного раньше, чем грунт в западинах» (Воробьева, Базалийский, 1990: 78). И, пожалуй, главным признаком наличия ритуальных действий является засыпка доньев ям охрой.

3. Засыпка погребаемых охрой или, хотя бы, наличие ее отдельностей является одним из показателей раннего периода неолита, прежде всего на юге Байкальской Сибири. Верхнее течение Лены и Ангары, Южный Байкал, остров Ольхон, бассейн Селенги, Еравнинская котлови-

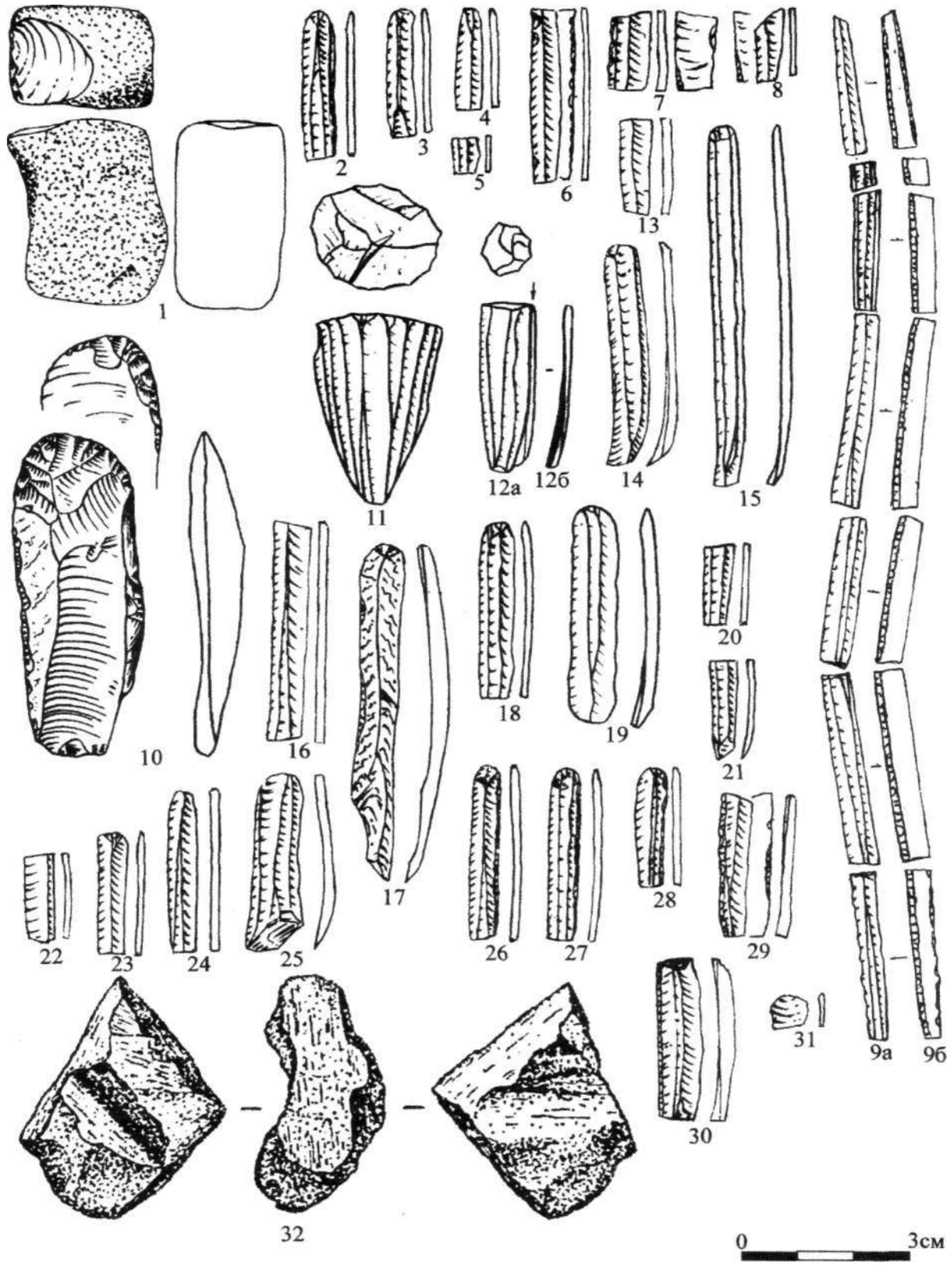

Рис. 2. Яма № 1. 1 - 32 - инвентарь

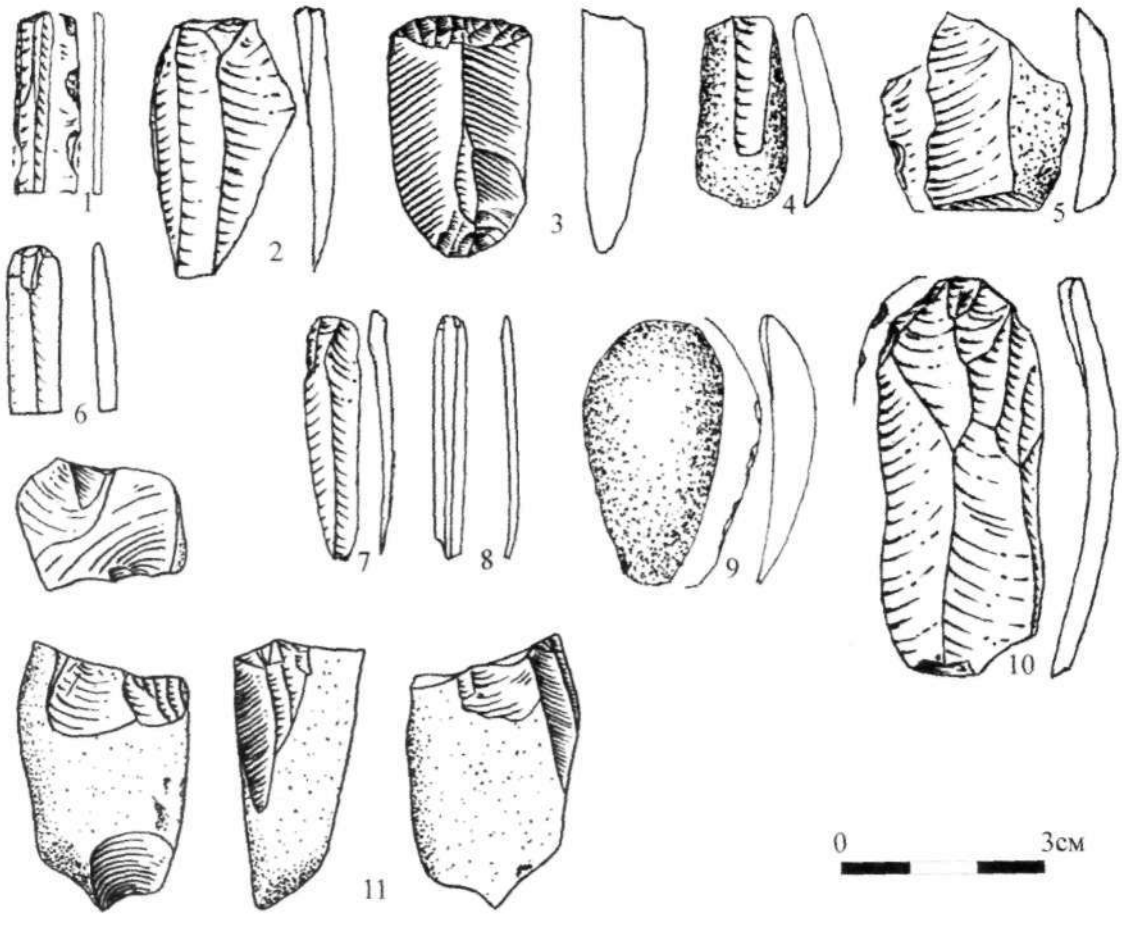

Рис. 3. Яма №1.1 - 11 - инвентарь

на являются средоточием ранненеолитических погребений возрастом старше 6 - 7-ми тысяч лет, которые относятся к китайской культуре (Ивашина, 2000; Конопацкий, 1982; Георгиевская, 1989; Мамонова, Сулержицкий, 1986, 1989, 2008; Ветров, Бердникова и др., 1990; Ветров, Бердникова и др., 1995; Герасимова, 1992; Константинов, 1994; Конев, 1996; Туркин, Харинский, 2004; Базалийский, Ливере и др., 2006; Жамбалтарова, Мельников, 2005; Лбова, Жамбалтарова, 2004).

Территориально различающиеся по некоторым признакам ритуала местонахождения (сплошная, частичная засыпка могильных ям или присутствие только кусков кровавика; наличие или отсутствие надмогильных сооружений, отсутствие некоторых «основных» категорий инвентаря; положение погребенных на боку или спине; различие в ориентации по частям света и т.д.) позволяют говорить о каких-то локальных группах погребальных комплексов (Герасимов, Черных, 1975; Окладников, 1978; Бердникова, Ветров, 2000; Ивашина, 2000, 2006; Базалийский, 2005; Базалийский, Инешин, 1995).

Но, все-таки, их сходство по многим параметрам, в частности, по инвентарю, хронологии, наличию охры свидетельствует об определенном единстве и, если не о принадлежности к единой археологической китойской культуре, то, хотя бы, к единой китойской культурной общности.

На севере Восточной Сибири - на территории Саха-Якутии засыпка погребаемых охрой характерна для Туой-Хаинских в верховьях Вилюя, Джикимдинского на Олекме, Оньеского и Амгинского на Амге, Конгаласского, Уолбинского и одного из Куллатинских на Лене, Родинского в бассейне Нижней Колымы захоронений (Федо-

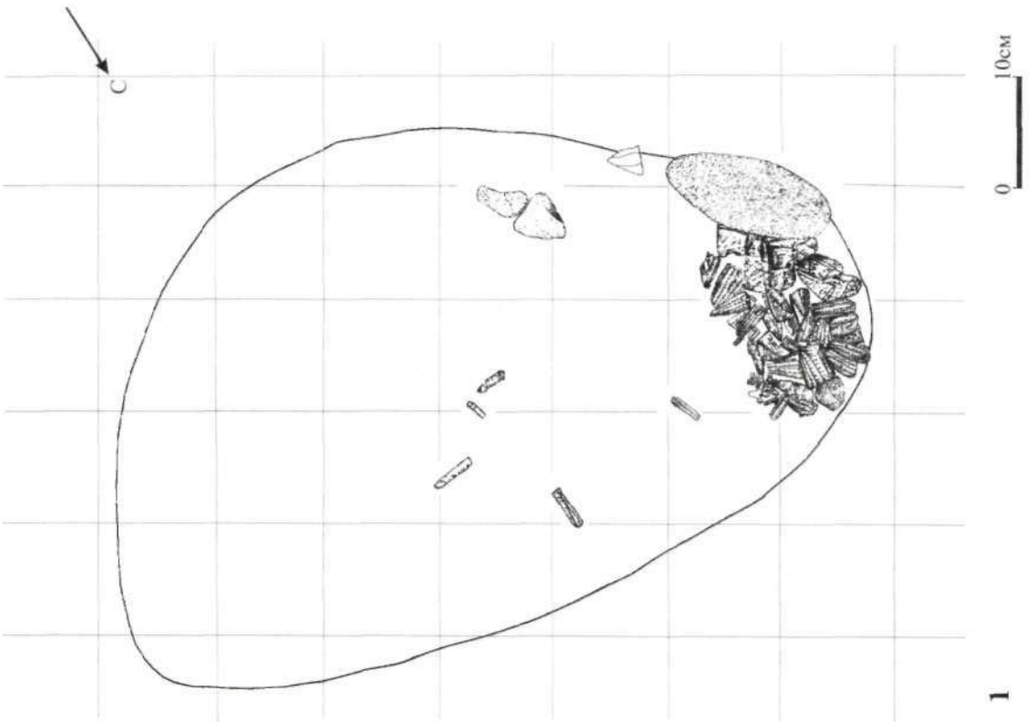

Рис. 4. Дно ямы № 2. 1 – план находок; 2 – Дно ямы № 2 вид с запада

сеева, 1968, 1992; Алексеев, 1975, 1987, 1996; Кистенев, 1980, 1986, 1992; Аргунов, 1990).

Все они отнесены якутскими археологами к белькачинской средненеолитической культуре III или конца IV - III тыс. до н.э. (5200±100 - 4100±100 л.н.) (Мочанов, 1969; Мочанов, Федосеева и др., 1983; Мочанов, Федосеева и др., 1991; Алексеев, 1994).

Из выше изложенного следует, что между феноменом засыпки охрой неолитических могил юга Забайкалья и таковых на территории Саха-Якутии имеется существенный хронологический разрыв. И если экзотическому явлению в Саха-Якутии соответствовало продвижение данной традиции по линии юг - север, то период в 2-3 тысячи лет для этого был вполне достаточным. Причем перенос такого элемента за тысячи километров косвенно подтверждает мысль якутских археологов об истоках белькачинской культуры в «особом культурном пласте», уходящим в Забайкалье, на Верхний и Средний Амур.

Одним из звеньев цепи продвижения мог являться бассейн р. Витим, чему на данный момент имеется подтверждение в виде соответствующих объектов археологии.

Большое значение в этом плане принадлежит могильнику Бухусан на озере Исинга в Ерав-нинской котловине, связанной с Витимом через его правый приток р. Холой. По костякам из 4-х погребений, относимых к китойскому кругу памятников, ПОЛучеНО 5 радиоуглеродных дат от 6650±90 л.н. (ГИН-4411) до 4520±50 л.н. (ГИН-4803)(Мамонова, Сулержицкий, 1989). В трех ранних погребениях отмечается наличие охры. Преобладающее положение костяков - скорченное, на правом боку (Ивашина, 1979, 2000).

В 450 км ниже по течению Витима от устья Холоя находится уже описанный комплекс в устье р. Каренга.

Следующим привлекающим внимание местонахождением является могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской межгорной впадине на правом приустьевом мысу р. Муя (Ветров, 1982, 2002, 2003). К настоящему времени вскрыто 14 ям. В 10-ти случаях донья обильно засыпаны 3-5-ти см слоем ярко-бордовой охры. Из них в 8-ми сохранились фрагменты костяков (практически костного тлена), в 2-х только сопровождающий инвентарь. В 4-х охра и кость (при наличии артефактов) отсутствует. По трем погребениям получены абсолютные даты по углю из засыпки 7280±65 л.н. (СОАН-4434), 6500±60 л.н. (СОАН-4434) и 6415±70л.н. (СОАН-4433).

В ряде случаев удалось выявить положение погребенных - на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Следует заметить, что подобное трупоположение (на боку или спине, но обязательно с согнутыми в коленях ногами) при наличии охры для юга Забайкалья относится к наиболее ранним и по абсолютным датам варьирует от 7590±150 л.н. (ГИ СО РАН-5494) до 6450±50 л.н. (ГИН-4131) (Мамонова, Сулержицкий, 1989; Константинов, 1994; Лбова, Жамбалтарова, 2004).

Ряд погребений южных районов Забайкалья с аналогичными элементами погребального обряда абсолютных дат не имеет и об его включении в раннюю группу приходится говорить только как об относящимся к китойскому времени.

Наряду с аналогиями на юге Забайкалья, местонахождение Старый Витим II интересно и в сопоставлении с материалами северных и северо-восточных по отношению к нему территорий: в перекрывающем могильные ямы стояночном комплексе присутствуют фрагменты сосуда с отпечатками рубчатой лопаточки по внешней поверхности, утолщенным венчиком, орнаментированным косопоставленным зубчатым штампом и пояском сквозных отверстий. Такая керамика характерна для белькачинской средненеолитической культуры Саха-Якутии.

Еще одним объектом на Витиме, представляющим интерес в плане моделирования коммуникаций неолитического населения юга и севера Восточной Сибири, является погребение с фрагментированным человеческим костяком на памятнике Нижняя Джилинда (Сивакон) I, расположенном южнее Южно-Муйского хребта в Бамбуйской котловине (Ветров, 1986; Ветров, Задонин и др., 1993). В погребении (с явными признаками перезахоронения) среди многочисленного сопровождающего инвентаря одним из наиболее ярких предметов является костяное жало составного рыболовного крючка с тремя выступами-бородками по вогнутому краю, сравнимое с подобными изделиями из китойского могильника (Окладников, 1936, табл. 3; 1950, рис. 112). Абсолютная дата Сиваконского погребения по костям скелета - 7230±40 л.н. (ГИН-405).

Культурный горизонт 5а, в котором зафиксировано надмогильное сооружение в виде кладки

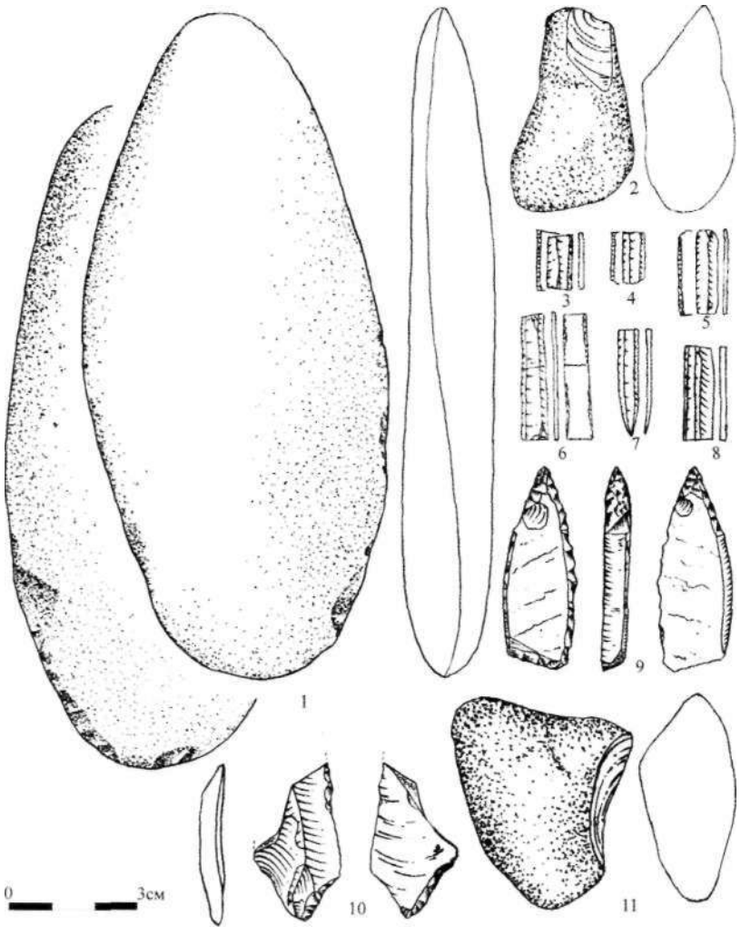

Рис. 5. Яма № 2. 1 - 8 - инвентарь

3,65 х 3,40 м из плит скальной породы и заплечики могильной ямы, обнаружены нефритовые ножи, аналогичные ножам «особого, специфического китойского варианта» с широким треугольным острием на конце из китойского могильника (Окладников, 1950, рис.123). Дата по углю из горизонта 5а - 7880+80 л.н. (ЛЕ-1955).

Таким образом, черты погребального обряда раннего неолита из «классических» могильников Прибайкалья (Китойский, Локомотив, Усть-Бельский и др. на Ангаре), как и ряда погребений с охрой на Верхней Лене (Макрушино, Юшино, улус Степно-Балтайский, Турука, Новые Казарки) (Окладников, 1950; Ветров, Бердникова и др., 1995; Базалийский, Инешин, 1995; Базалийский, Задонин, 1996) имеют аналогии не только в южном Забайкалье, но и в северных районах Восточной Сибири.

При этом следует иметь в виду и гипотезу А.П. Окладникова о тесных связях «неолитической культуры Средней Лены, Якутии с Верхней Леной», а также как и «об еще более далеких культурных контактах верхоленских неолитических племен ... с Дальним Востоком, с Верхним Амуром через Олекминско-Витимский таежный район» (Окладников, 1978: 105).

4. Одним из часто встречающихся признаков погребений раннего неолита являются плотные скопления сопровождающего инвентаря под черепом или рядом с ним, иногда сбоку костяка.

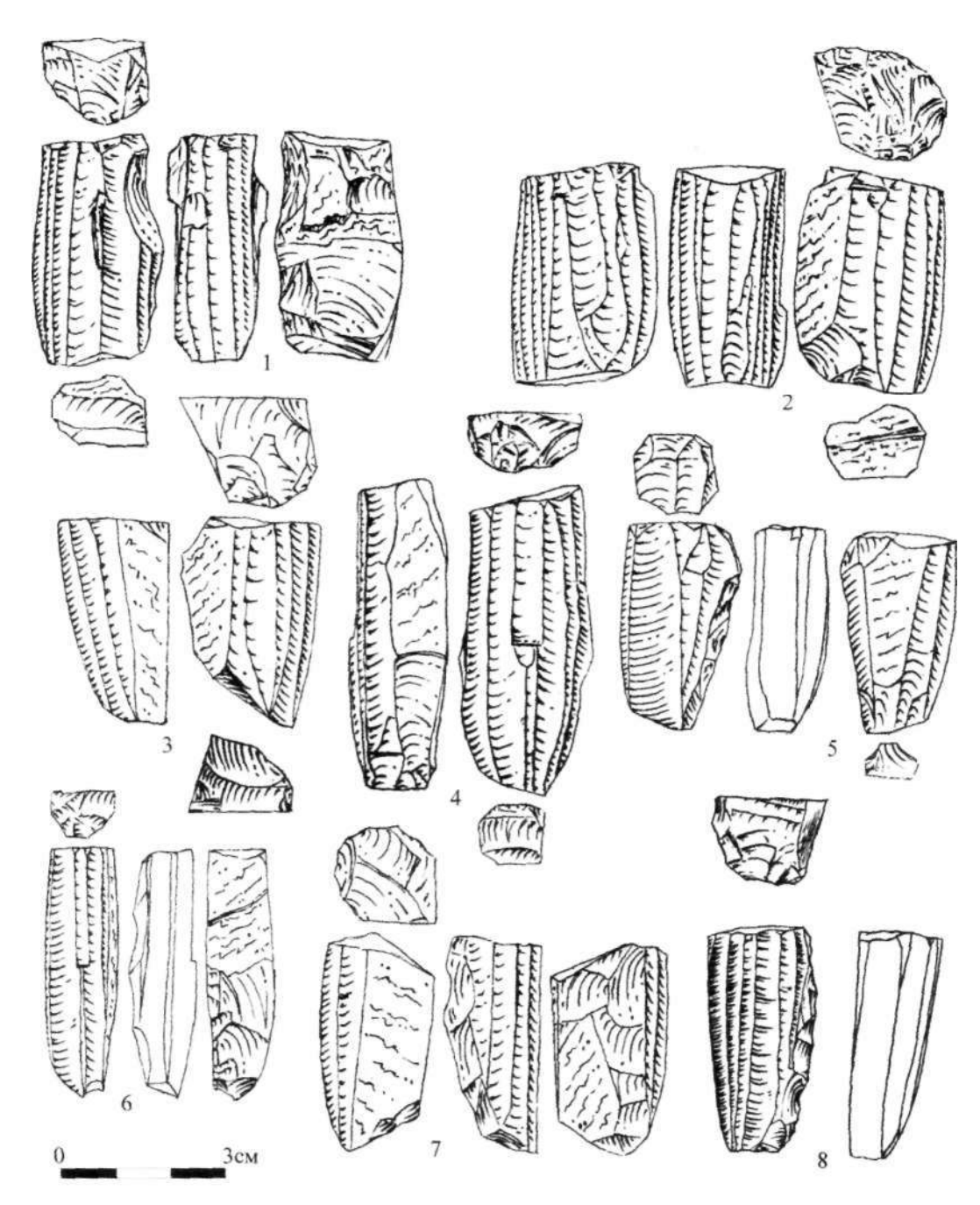

Рис. 6. Яма № 2. 1 - 8 - инвентарь

Отсюда происходит предположение о его хранении в какой-то емкости (сумке). Последним можно объяснить и наличие множества чешуйчатых сколов, которые могли быть образованы при трении артефактов друг о друга в скученном состоянии еще при передвижении ее обладателя. Об этом же свидетельствует наличие обломков пластин, составляющихся в одно целое. Отдельные скопления материала в могильных ямах прослеживаются практически везде - от Верхней Лены и Ангары до Хилка и Старого Витима. Такая же ситуация имела место и в рассматриваемом нами комплексе,

5. Около 75% предметов из Усть-Каренгского

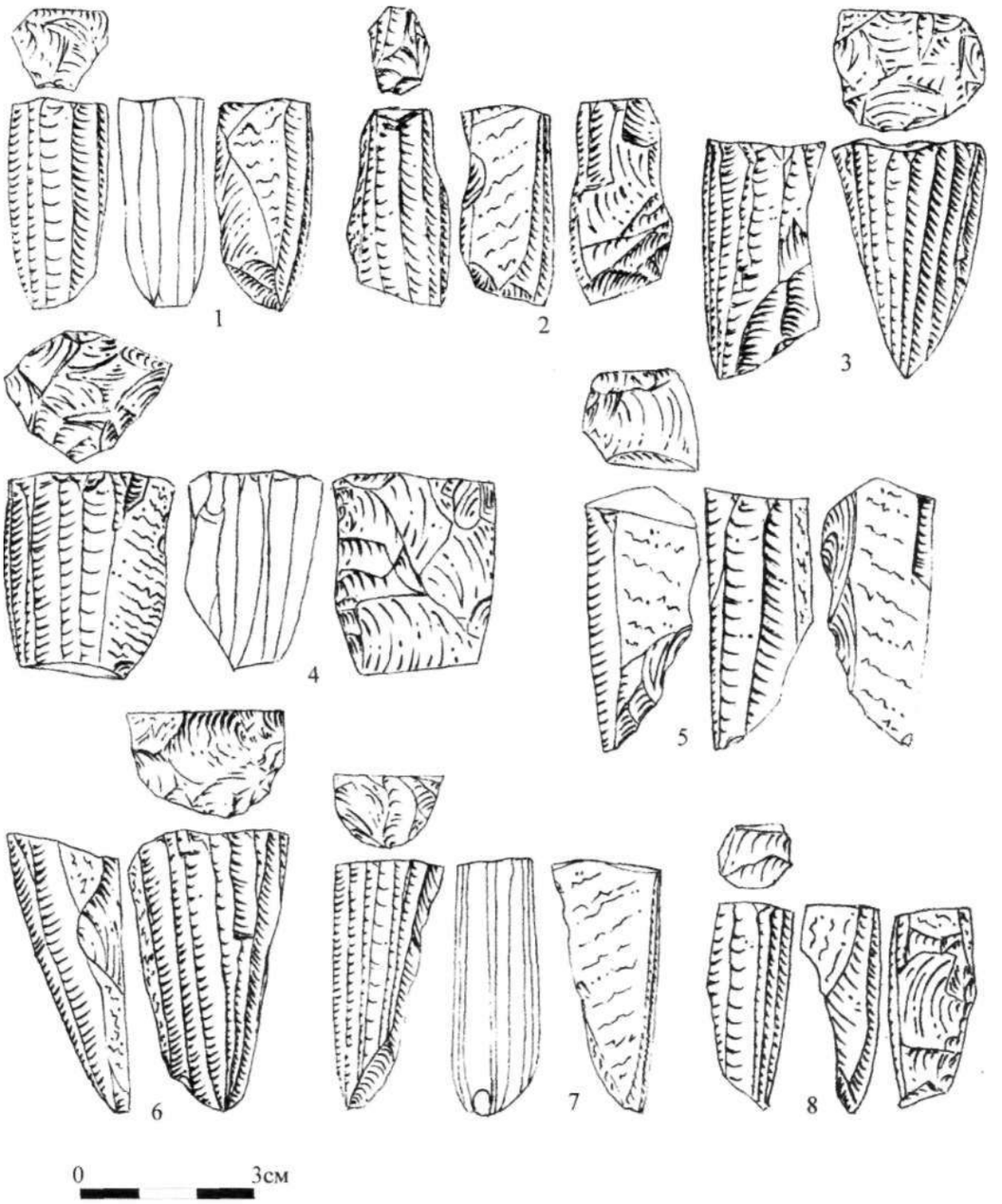

Рис. 7. Яма №2. 1 - 8 - инвентарь

ритуального комплекса (нуклеусы, орудия, пластины, отщепы) сделаны из гиалодацита (вулканического стекла) - экзотического сырья не только для района Усть-Каренги, но и для всего Витимского плоскогорья. Остальное принадлежит местному галечному субстрату, который в изобилии присутствует на косах Каренги и Витима. Это обстоятельство, наряду с находкой графитита, обнаружением на стоянках в устье Каренги и других объектах Витимской долины изделий из светлоокрашенного нефрита и горного хрусталя позволило, в свое время, поднять тему древних

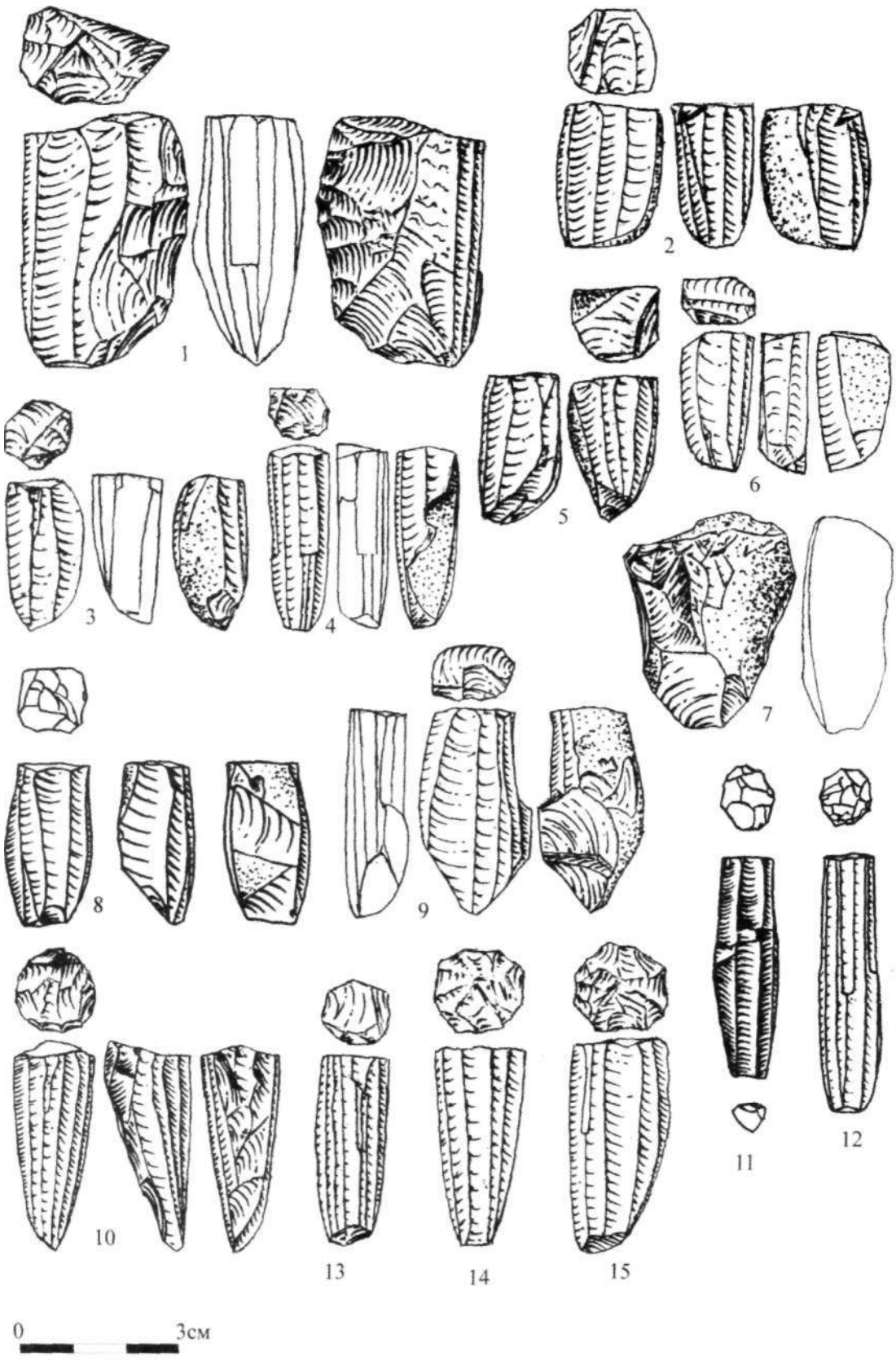

Рис. 8. Яма № 2. 1 - 15 - инвентарь

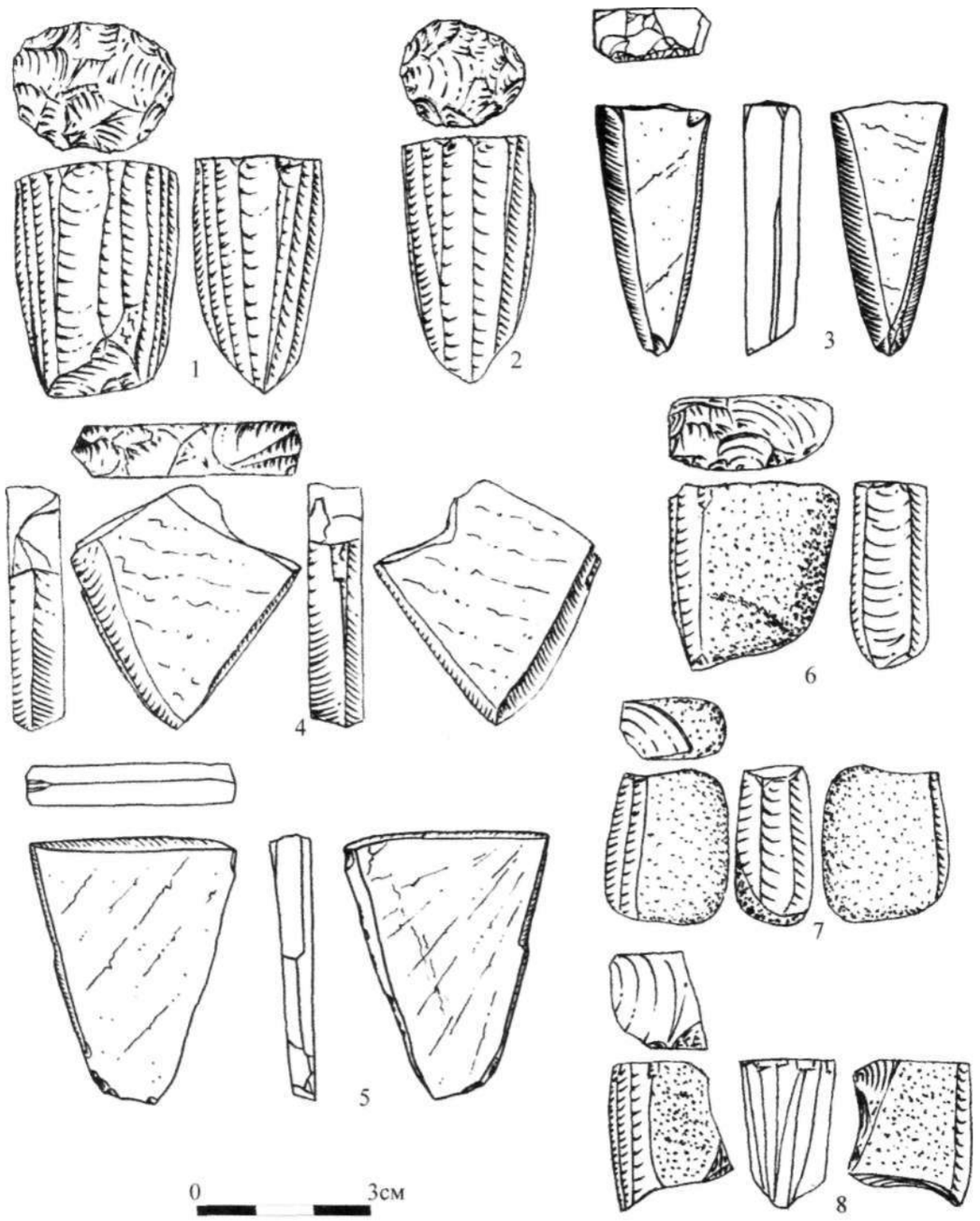

Рис. 9. Яма № 2. 1 - 8 - инвентарь

коммуникаций между культурами севера Восточной Сибири (Vetrov V.M., Ineshin E.M. and others, 1997; Инешин, Ревенко и др., 1998, 2005; Ветров, Инешин и др., 2000; Алексеев, Ветров и др., 2006; Инешин, 2006).

Выходы гиалодацита фиксируются по южному флангу Бодайбинского синклинория и удалены от устья р. Каренга в среднем на расстояние 300 км по прямой линии. С учетом труднопроходимое™ в условиях горно-таежной местности, изменения направления водотоков и т.п., расстояние пути доставки материала увеличивается в несколько раз. Самыми северными известными точками нахождения гиалодацита в артефактах являются археологические местонахождения в нижней части долины Витима под Мамаканом Коврижка и Большой Якорь (Тетенькин, 2000, 2007; Инешин, Тетенькин, 2005) Промежуточные памятники между ними и Усть-Каренгой с артефактами из этой породы зафиксированы в Муйско-Куандинской впадине - Старый Витим I и Ветвистый (Ветров, 1982; Тетенькин, 2006; Ветров, Инешин и др., 2007). Примерно та же ситуация прослеживается и при транспортировке графитита.

Тема доставки редких видов сырья в полуфабрикатах или изделиях путем поэтапного обмена или прямых миграций населения, выявления путей, расстояния и хронологии этого процесса уже давно стала актуальной в практике археологических исследований. Однако, археологи в публикациях не очень жалуют минералогический состав каменных артефактов, что ограничивает возможности сравнительных операций.

6. Следует заметить, что если нефрит, связанный с Голюбинским и Буромкским месторождениями, выносимый потоком р. Бамбуйка и встреченный в погребениях Старого Витима II, мог собираться невдалеке на Витимских косах в немалом тогда количестве, то другие закрытые комплексы в долине Витима часто включают артефакты из необычного для окружающей местности каменного субстрата. Кроме экзотических гиалодацита, графитита и пемзы в ритуальном комплексе Усть - Каренги XVI, такая ситуация прослежена в составе нуклеусов из «клада» в устье р. Юмурчен (Ветров, 1997) и среди артефактов в специально вырытой яме на Усть - Каренге III с абсолютными датами по обугленной бересте (поплавкам ?) 6890±80 л.н. (ЛЕ - 1961) и 6100+400 л.н. (ИМ СО АН - 922)(Ветров, 1992).

Учитывая указанные даты, близкие голоценовому оптимуму, а также прослеживаемые фрагменты погребенной почвы атлантического периода в заплечиках ям ритуального комплекса на Усть - Каренге XVI, последний может быть отнесен к соответствующему хронологическому срезу.

Заключение

Подводя итог вышесказанному следует сказать, что исследование любого археологического объекта в контексте с материалами памятников сопредельных территорий может привести к определенным выводам и представлениям, к постановке ряда проблем и поиску путей их решения. Что касается ритуальных комплексов, в частности погребений и кенотафов, то здесь давно назревшей необходимостью является их связка с одновременными и однокультурными комплексами стояночного типа, прежде всего на базе стратиграфических наблюдений, сопоставления и идентификации инвентаря, и абсолютного датирования.

Литература

Алексеев А.Н. Джикимдинское погребение (памятник белькачинской неолитической культуры на Олекме) // Якутия и ее соседи в древности. - Якутск: Изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1975. - С. 95 - 99.

Алексеев А.Н. Каменный век Олекмы. - Иркутск: Изд-во ИГУ 1987. - 128 с, ил.

Алексеев А.Н. Древние культуры Якутии (IV тысячелетие до н.э. - XVIII век н.э.): Автореф. дис. … док. ист. наук. - Новосибирск, 1994. - 35 с.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. - Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. - 144 с.

Алексеев А.Н., Ветров В.М., Дьяконов В.М., Секерин А.П., Тетенькин А.В. Витимский нефрит в археологии Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ 2006. - Вып. 4. - С. 74 - 79.

Аргунов В.Г. Каменный век Северо-Западной Якутии. - Новосибирск: «Наука», 1990. - 213 с.

Базалийский В.И. К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных ком-

плексов эпохи позднего мезолита - неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. - Ч. 1. - С. 35 - 42.

Базалийский В.И., Задонин О.В. Новое неолитическое захоронение на верхней Лене // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. - Иркутск, 1996. - Вып. **1.** - С. 28 - 32.

Базалийский В.И., Инешин А.В. Могильник эпохи раннего неолита на севере Верхней Лены // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. - Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995. - С. 190 - 192.

Базалийский В.Ц., Ливере АЛ[3]., Хаверкорт, Пежемский Д.В., Тютрин А.А., Туркин Г.В., Вебер А.В. Ранненеолитический комплекс погребений могильника Шаманка II (по материалам раскопок 1998 - 2003 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. - Вып. 4. - С. 81 - 103.

Бердникова Н.Е., Ветров В.М. Новый ранненеолитический могильник в устье р. Белой (Байкальская Сибирь) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. - Т. 1: Археология. Этнология.- С. 44 - 50.

Ветров В.М. Археологические исследования в Муйской котловине (1976 - 1978 гг.) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. - С. 86 - 100.

Ветров В.М. Стратиграфия и проблемы периодизации археологических памятников Верхнего Витима // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. всесоюз. конф. 2-8 июня 1986 г. - Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986. - Ч. 2 - С. 49- 53.

Ветров В.М. Каменный век Верхнего Витима: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - Новосибирск, 1992.- 17 с.

Ветров В.М. «Клад» каменных изделий в устье Юмурчена // Дуловские чтения 1997 года: (секция археологии и этнографии): Материалы докл. и сообщ. - Иркутск: «Листок», 1997. С. 51 - 55.

Ветров В.М. Работы Иркутского педагогического университета в Муйской котловине // Археологические открытия 2001 года. - М.: Наука, 2002. - С. 403 - 404.

Ветров В.М. Работы Иркутского педуниверситета на местонахождении Старый Витим в Муйской котловине // Археологические открытия 2002 года. - М.: Наука, 2003. - С. 345 - 346.

Ветров В.М., Бердникова Н.Е., Алтухов В.А., Фролов А.В. Макрушинский могильник. Ранненеолитический комплекс // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 1995.-С. 112- 132.

Ветров В.М., Бердникова Н.Е., Журавлев А.И., Фролов А.В. Макрушинский могильник: культура и хронология // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. к XXX РАСК. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. - С. 137 - 139.

Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон) - 1 в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. - Новосибирск: «Наука», 1993.-С. 98- 113.

Ветров В.М., Инешин Е.М. Погребения раннего железного века бассейна р. Витим (датировка и культурная принадлежность) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. - Улан-Удэ; Чита: Изд-во БГУ, 2002. - С. 93 - 103.

Ветров В.М., Инешин Е.М., Кононов Е.Е., Тетенькин А.В., Туркин Г.В. Новые объекты археологии на севере Республики Бурятия // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. - Вып. 5. - С. 100 -117.

Ветров В.М., Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П. Артефакты из экзотических видов сырья на археологических памятниках витимского бассейна // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2000. - Вып. 2. - Ч. 1. - С. 98 -1 16.

Ветров В.М., Смотрова В.И. Ритуальный комплекс в устье р. Каренги // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: Тез. докл. к регион, конф., 25 - 27 марта 1980 г. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980. - С. 28 - 30.

Воробьева Г.А., Базалийский В.И. Неолитический могильник Локомотив // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990.-С. 77-81.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. - Новосибирск: «Наука», 1989. - 152 с.

Герасимов М.М., Черных Е.П. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. - Л.: «Наука», 1975. - С. 23 - 48.

Герасимова М.М. Черепа Фофановского мо-

гильника (р. Селенга) // Древности Байкала. - Иркутск: Изд-во ИГУ 1992. - С. 97 - 111.

Жамбалтарова Е.Д., Мельников И.Д. Новые материалы по погребальным памятникам южной Бурятии // Социогенез в Северной Азии. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. - **Ч.** 1. - С. 88 - 91.

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. - Новосибирск: «Наука», 1979. - 157 с.

Ивашина Л.Г. Элементы китойской культуры в неолите Забайкалья // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. - Т. 1: Археология. Этнология. - С. 55-63.

Ивашина Л.Г. О проблеме китойской культуры (к истории исследования проблемы) // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ 2006. - Вып. 4. - С. 9-15.

Инешин Е.М. Человек и природная среда на рубеже плейстоцена и голоцена на Байкало - Патомском нагорье (по материалам многослойного археологического объекта Большой Якорь I). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Владивосток, 2006. - 23 с.

Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин АЛ. Экзотические виды сырья артефактов позднего плейстоцена бассейна р. Витим (Байкальская Сибирь) и пути его транспортировки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. - Т. 4. - С. 108 - 113.

Инешин Е.М., Ревенко АГ'., Секерин А.П. Использование экзотических пород в культурах каменного века бассейна Витима // Археоминералогия и ранняя история минералогии: Материалы межд. семинара (Сыктывкар, 30 мая - 4 июня 2005 г.) / Институт геологии Коми НЦ Уро РАН. - Сыктывкар: «Геопринт», 2005. - С. 30 - 33.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ 2005. - Ч. I. - С. 96 - 104.

Кистенев СП. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. - Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1980. - С. 74 - 87.

Кистенев СП. Родинские захоронения в низовьях Колымы // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы): Тез. докл. к регион, конф., 13-15 окт. 1986 г. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. - С. 92.

Кистенев СП. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. - Новосибирск: «Наука», 1992. - С. 68 - 83.

Конев В.П. Фофановский могильник. Новый этап исследования // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXVI РАСК. - Иркутск: ИГУ, 1996. - Ч. 1. - С. 114 - 116.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). - Новосибирск: «Наука», 1982. - 176 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. - К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). - Улан-Удэ - Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН - Изд-во ЧГПУ им Н.Г. Чернышевского, **1994.-** 177 с, ил.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д. Архетипы в первобытной культуре (дихотомия сознания в материалах раннего неолита Забайкалья) // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. - Вып. 3: Парадоксы археологии. Новосибирск, 2004.-С. 200-210.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы): Тез. докл. к регион, конф., 13-15 окт. 1986 г. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. - С. 48 - 51.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // С А, № 1. - 1989. - С. 19 - 32.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология голоценовых погребений Прибайкалья и Забайкалья по остеологическому материалу из могильников // Человек, адаптация, культура. - М.: Изд-во «Гриф и К», 2008. - С. 127 - 139.

Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. - М.: «Наука», 1969. - 255 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. - Новосибирск: «Наука», 1983. - 392 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов М.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. - М.: «Наука», 1991. - 224 с.

Окладников А.П. Каменные рыбы (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // СА. - 1936. - Т. 1. - С. 215 - 244.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. 1,2. -412 с. -(МИА. - №18).

Окладников А.П. Верхоленский могильник - памятник древней культуры народов Сибири. - Новосибирск: «Наука», 1978. - 288 с.

Тетенькин А.В. Исследования многослойного археологического объекта Коврижка на Нижнем Витиме // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2000. - Вып. 2, Ч. **1.** - С. 117- 145.

Тетенькин А.В. Новые объекты археологии на севере Республики Бурятия // Народы Внутренней Азии: этносоциальные процессы в геополитической и цивилизационной динамике: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Егуновские чтения». Вып. 3. - Улан-Удэ: Изд-во БГУ 2006. - С. 37 - 40.

Тетенькин А.В. Итоги и перспективы исследования комплекса археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме // Этноистория и археология Северной Евразии: Теория, методология и практика исследования. - Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ 2007. - С. 89 - 93.

Туркин Г.В., **Харинский** А.В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита - бронзового века на Южном Байкале // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. - Вып. 2. - С. 124 - 158.

Федосеева С.А. Древние культуры Вилюя. - М.: «Наука», 1968.- 171 с.

Федосеева С.А. Диринг - Юряхский могильник (типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии. - Новосибирск: «Наука», 1992.-С. 84- 105.

Vetrov V.M., Ineshin E.M., Revenko A.G., Sekerin A.p., Tihonov P.S. Exotic types of raw material for Pleistocene - Early Holocene artifacts of the Vitim River Area (Baikal Sibiria) and their means of tranportation // Current Research in the Pleistocene. -1997, vol. 15.

Summary

The article is devoted to ritual complex of two pits in site Ust'-Karenga XVI discovered in 1979. This complex consisted of artifacts of exotic substrate, and the bottoms of pits were fulfilled by ochre. The object is dated to Neolithic Age. Author discusses some aspects of burial or ritual practice, petrography origins of exotic artifacts, stratigraphic contexts of sites of neighboring areas and Eastern Siberia, in general, and comes to conclusion of Age of Atlantic Optimum of Holocene (ca. 6000 BP) for the pits.